

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЖИВОПИСНЫХ ПОРТРЕТОВ XVIII в.
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕИЗВЕСТНЫХ ТИПОВ
РУССКОГО ВОЕННОГО КОСТЮМА

При изучении истории русского форменного костюма, связь предмета исследования с портретами, как правило, односторонняя. Данные униформологии используются для датировки портретных изображений, идентификации персонажей или попыток объяснения причин появления в их костюме тех или иных деталей или знаков отличия.

Случаи же обращения к портрету с целью углубления и расширения наших сведений о старом русском мундире крайне редки. Нельзя не упомянуть в этой связи высказывания известного знатока русской военной старины Е. В. Молло, настоятельно напоминавшего „...о важности при подобного рода трудах, самого внимательного изучения старых военных портретов, ибо на таковых зачастую изображены не только утраченные образцы обмундирования, но и то, как все это носилось”¹.

Но, к сожалению, с момента выхода многотомного „Исторического описания одежды и вооружения российских войск” в 1844–1856 гг. и до последнего времени в подавляющем большинстве работ, посвященных русскому военному костюму, вопросы изучения военного портрета как источника не поднимались².

Исключение составляют лишь труды таких исследователей, как В. М. Глинка и Л. Л. Раков, использовавших портрет в дополнение к данным униформологии, но это касается в основном периода XIX–начала XX в.³ Изучающий это время может опереться прежде всего на „Полное собрание Законов Российской империи”, многочисленные наглядные пособия по изменениям форменной одежды, на огромную мемуарную литературу и большое количество сохранившихся подлинных предметов обмундирования⁴.

В отношении же XVIII столетия положение дел далеко не столь блестяще – источники для этого времени гораздо беднее и относительно слабо изучены. Поэтому русский военный портрет приобретает весьма важное значение в качестве основного исходного материала для изучения форменного костюма XVIII в. в России. Возможность использования этого вида источников за последние годы значительно возросла благодаря большому количеству публикаций иллюстрированных каталогов и альбомов памятников русской портретной живописи, хранящихся в различных музейных собраниях⁵. Этот богатей-

ший иконографический материал в сочетании с документальными и мемуарными свидетельствами позволяет довольно существенно восполнить пробелы наших знаний об эволюции русского форменного костюма. Рамки настоящего сборника позволяют ознакомить читателя лишь с некоторыми исследованиями автора в этой области.

В 1912 г. в серии „Русские усадьбы” вышел очерк князя Михаила Михайловича Голицына „Петровское”, посвященный подмосковной усадьбе, принадлежавшей в начале XX в. князю Александру Михайловичу Голицыну. Среди описаний родовых портретов, находившихся в биллиардной усадебного дома, М. М. Голицын приводит следующее: „4. Князь Федор Иванович Голицын – небольшой портрет, изображающий князя в генеральском мундире времен Императрицы Елисаветы Петровны с громадной вышитой звездой ордена св. Анны”⁶.

Есть в очерке и краткое жизнеописание Ф. И. Голицына, из которого ясно, что родился он в 1699 г., а с 1719 начал службу в Лейб-гвардии Преображенском полку, был в Персидском походе, а при Анне Иоанновне воевал с турками в составе Бутырского полка. Выйдя в отставку в 1741 г. с чином армейского подполковника и поселившись в первопрестольной, князь начал атаковать императрицу просьбами о повышении, ссылаясь на то, что служба чинами его не баловала. Государыня вияла просителю и пожаловала его сначала бригадиром, а в 1753 г. и генерал-майором, кроме того, настойчивый князь неизвестно за какие заслуги получил орден св. Анны⁷.

Совершенно очевидно, что Ф. И. Голицын в царствование Елизаветы Петровны вплоть до своей смерти в 1759 г. имел полное право носить генеральский мундир, в котором, по утверждению его потомка, он и изображен на старинном портрете. Мундир этот представляет собой кафтан с отложным воротником, обшитый широким галуном по борту – в два, а по воротнику, плечевым и рукавным швам в один ряд.

Не подвергая сомнению компетентность М. М. Голицына в генеалогии и иконографии рода, обратимся за справкой к униформологической литературе. Внимательно пролистав первые девять томов „Исторического описания одежды и вооружения российских войск”, посвященные интересующему нас периоду, первое упоминание о генеральских мундирах мы найдем в части IV, где говорится о введении особого мундира для пехотного генералитета в июле 1764 г.⁸ В следующих томах описываются мундиры этого же образца для кавалерийских, артиллерийских, инженерных, гарнизонных, штабных и интендантских генералов⁹. В „Полном собрании Законов...” описывается

такой же мундир, введенный 2 марта 1764 г. для флагманов флота и прочих генералитетских чинов морского ведомства¹⁰.

Итак, мы встаем перед дилеммой: либо ошибается М. М. Голицын, либо не полно „Историческое описание...”, ибо как соотнести утверждение князя о „...генеральском мундире времен Императрицы Елисаветы Петровны” с отсутствием в литературе каких-либо данных о существовании такового до 1764 г.

В поисках ответа вновь обратимся к „Полному собранию Законов...”. На период царствования Елизаветы Петровны никаких упоминаний о генеральских мундирах там нет, но в томе, содержащем военно-сухопутные штаты с 1711 по 1801 г., среди распоряжений Петра III под 1762 г., есть следующее: „Генералитету, коим Мы полки еще не пожаловали, носить мундиры такие, какие они до сего имели”¹¹. Однако из приведенных слов не ясно, что подразумевается под словом „мундиры” – особый генеральский или же общеофицерский образец.

Остается рассмотреть костюм на портретах лиц, имевших генеральские чины в армии и флоте в период 1741 – 1764 гг. Из довольно большого их количества выделяется группа изображений, персонажи которых одеты в костюм, по типу декорировки сходный с имеющимся на портрете Ф. И. Голицына, т. е. с двумя рядами позумента по борту кафтана и одним рядом по швам и воротнику. В такого типа мундирах изображены: П. С. Салтыков, А. И. Шувалов, А. А. Спиридов, А. Н. Вильбуа, Н. А. Бекетов, Г. П. Чернышев, М. Н. Волконский, П. Г. Кашкин, великий князь Павел Петрович и группа неизвестных лиц¹². К сожалению, часть из этих портретов известна только по фотографиям или публикациям начала XX в. и местонахождение их в настоящее время неизвестно, поэтому о цветах изображенных на них мундиров мы можем только догадываться. Тем не менее, портреты, сохранившиеся до сего времени, позволяют сделать вывод о том, что мундиры генералов, на них изображенных, различаются цветом по родам войск. Так, зеленые с красным прибором мундиры А. А. Спиридова, П. С. Салтыкова и Н. А. Бекетова указывают на армейскую пехоту, синий с красным у неизвестного с орденом св. Анны – на кавалерию, а моряки П. Г. Кашкин и великий князь Павел Петрович имеют белый с зеленым флотский мундир. На основании всех упомянутых портретов можно дать следующее описание гипотетического генеральского мундира периода 1741 – 1764 гг.: кафтан по цвету рода войск, обложенный позументом по воротнику и швам в один ряд, а по борту и карманным клапанам в два ряда; камзол приборного цвета с двумя рядами позумента по борту и карманным клапанам.

Документальное подтверждение этой гипотезе обнаружилось в „Материалах для истории русского флота”, где приводится протокол заседания Адмиралтейств-Коллегии от 17 мая 1745 г., на котором господа члены коллегии постановили подать на высочайшее утверждение проект нового обмундирования для офицеров флота¹³. Мундир предполагалось делать по цветам Андреевского флага: белый с синим прибором и камзолом, или же наоборот – синий с белым прибором и камзолом. О том, какими предполагались знаки различия, имеется следующая записка: „А понеже у морских офицеров так как в солдатских полках знаков, почему чини перед чином отмену имеет, не имеется, того ради, дабы оные чини перед чином имели отмену, флагманам и состоящим в бомбардирских рангах кафтаны и камзолы такового ж цвета, какие будут у морских офицеров, по примеру сухопутного генералитета (разрядка моя С. И.), камзолы богатые с широким золотым галуном”¹⁴. Суть данной цитаты в том, что проектируемое обмундирование флотского генералитета по системе знаков различия должно было соответствовать уже имеющимся армейским генеральским мундирам, отличаясь от последних лишь цветами.

Через месяц Елизавета Петровна указала иметь флотским офицерам белый с зеленым прибором и камзолом мундир. Кроме того, повелено было „...для лучшего рассмотрения от коллегии сделать образцовых три мундира: генералитетский, полковничий и обер-офицерский. И в исполнение оного Ея Императорского Величества высочайшего указа адмиралтейств-коллегии приказали: показанные образцовые мундиры сделать от комиссариата, флагманский на капитан-командора Воина Римского-Корсакова, ...а галуном обложить следующим образом; первый генералитетский широким по борту у кафтана в два ряда, так же и по швам, у камзолов по борту в один ряд, а под клананами как на кафтанах так и на камзолах с выкладкою”¹⁵. Очевидно, что и в этой цитате из документа, и в приведенном выше гипотетическом описании генеральского мундира, речь идет об одном и том же образце, появившемся, как ясно из протокола, в армии в 1741–1745 гг., а во флоте в 1745 г.

Остается дополнить картину еще некоторыми данными о мундире генералов елизаветинской эпохи. Так, протоколы Адмиралтейств-Коллегии свидетельствуют, что на флагманский мундир полагалось: сукна белого – 5 аршин, зеленого – 2 аршина, подкладу зеленого – 8 аршин, белого – 2,5 аршина и 45,5 аршин позумента¹⁶. Шляпа, полагавшаяся при этом мундире, судя по портретам, имела плюмаж из белых перьев и галунную обшивку на полях.

В 1746 г. для флотского генералитета в качестве повседневного был введен простой, без галунов, мундир тех же цветов, что и парадный¹⁷. В таком изображен неизвестный адмирал на портрете работы К. Л. Христианека из собрания Государственного Русского музея¹⁸. Впрочем возможно, что такой виц-мундир имели и армейские генералы, но крайней мере, нечто подобное изображено на портрете С. А. Языкова из Тульского художественного музея и на большом портрете М. Н. Волконского, хранившемся до 1905 г. в имени Голицыных Зубриловка Саратовской губернии¹⁹.

Таким образом, можно считать установленным факт наличия в русской армии и флоте с начала 1740-х гг. единообразного генеральского обмундирования, отличавшего высший командный состав – от бригадира до генерал-фельдмаршала – от прочих офицеров или невоенных чиновников тех же рангов. Рассмотренные материалы позволяют утверждать, что этот образец мундира определял лишь генеральский чин владельца, но не давал возможности отличить, к примеру, генерал-майора от генерал-аншефа.

Продолжая разговор о развитии генеральского мундира в России, не лишним будет еще раз вспомнить о том, что в июле 1764 г. были введены новые образцы генеральского обмундирования по родам войск: зеленые с красным прибором – для пехоты, синие с красным – для кавалерии, красные с черным – для артиллерии и инженеров и белые с зеленым (в марте того же года) – для флота. Кроме того, особые мундиры получили гарнизонные, интендантские и штабные генералы. Новый генеральский мундир отличался от предыдущего знаками различий в виде толщины и рядности шитья специального образца, состоявшего из двухсторонней гирлянды из лавровых листьев. Ни в „Описаниях мундиров и строевого убранства” 1764 и 1774 гг., ни в „Изображении мундиров Российско-Императорского войска” 1793 г., ни, тем более, в „Историческом описании...” ни о каких других генеральских мундирах в период 1764–1796 гг. не упоминается.

В свете этого особенно интересен документ, опубликованный в приложениях к „Истории Государевой свиты в XVIII веке”, составленной полковником Императорской Главной Квартиры В. В. Квалдри. Документ этот, озаглавленный „Всеподданнейший доклад Генерал-Адьютанта Потемкина”, извлечен из Московского отделения Архива Главного Штаба и по неизвестным причинам не датирован. В начале доклада Потемкин уведомляет императрицу, что со времени введения генеральских мундиров для пехоты и кавалерии 27 июля 1764 г. было образовано „...несколько войск с особыми мундирами”, а также учреждена должность флигель-адыютантов, в связи с чем – не

известно, какой мундир иметь генералам при гусарских полках и прочим, у которых ни пехотных ни карабинерных полков в команде не бывает". Дальнейшую часть доклада, содержащую предложения, возникшие по этому поводу у Потемкина, имеет смысл привести полностью: „В разсуждении чего приемлет смелость всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству представить, не благоугодно ли Вашему Величеству будет повелеть, всем частным и бригадным Генералам носить мундир такой каких полков в части или бригаде больше у кого состоять будет. Но как в Кирасирских, Гусарских и Пикинерных полках учреждены мундиры в каждом особого цвета, что не соизволители Ваше Императорское Величество Всемилоостивейше указать при Кирасирских полках Генералитету иметь мундир один только Лейб-Кирасирский, а при Гусарских особой Генералитетской, мундиры зеленые с собольею опушкою, дюламы и чекчиры красные, на дюламах обшлага зеленые, ташки и чепраки черные, и все с таким шитьем как у генералитета положено, с нашивным на ташках Государственным гербом, поясы черные с золотом и где следует с золотыми тесьмою и шнуром какие и ныне они имеют, но только Высочайшей Вашего Императорского Величества опробации еще не удостоены, а вместо киверов шляпы с шитьем и белым плюмажем. Пикинерных же полков всем одного только яко первого полку Екатеринославского белые с голубым”²⁰.

Теперь попробуем, хотя бы приблизительно, датировать вышеприведенный отрывок. Так, гусарские полки получили новое обмундирование, включавшее черные ташки, чепраки и черные с желтым (у офицеров с золотом) пояса, в декабре 1776 г.²¹ Тогда же состоялось и переобмундирование пикинерных полков, а Донецкий пикинерный получил название Екатеринославского²². Кирасирские же полки получили разный цвет прибора в июле 1778 г., причем у Лейб-Кирасирского остался прежний – зеленый²³. Гусарские и пикинерные полки в 1783–1784 гг. были переформированы в легкоконные, получили другой мундир и прекратили существование²⁴. Из вышеприведенного видно, что интересующий нас документ мог появиться, по крайним датам, между 1778 и 1783 гг., причем вероятнее нижняя дата.

Сейчас возникает главный вопрос: был ли доклад Потемкина подтвержден Екатериной II, т. е. имелись ли в действительности у генералов описанные выше мундиры? На него помогают ответить портреты. В собрании Государственного Русского музея имеется портрет неизвестного с орденом Александра Невского кисти Рокотова²⁵, а в Астраханской картинной галерее им. Б. М. Кустодиева хранится портрет Г. Г. Орлова работы Д. Г. Левицкого²⁶. В первом случае, судя по шитью, изображен генерал-поручик, а во втором –

генерал-аншеф. Мундиры обоих ярко выраженного желтоватого цвета (что нельзя объяснить пожелтением белил) с зеленым воротником и такого же цвета выпушками по краю шитья по борту. Это не похоже на морской мундир, особенно если учесть, что Г. Г. Орлов, в отличие от брата, не имел права на его ношение, да, к тому же, флотский мундир не имел зеленой выпушки по краю шитья. Зато ее имел офицерский мундир Лейб-Кирасирского полка, самый цвет которого, доспехи, совпадает с тем, что на портретах²⁷. Следовательно, на них и изображен мундир для генералов кирасирских полков, описанный в докладе Потемкина, который, скорее всего, был утвержден императрицей. То, что не обнаружены пока изображения гусарского и пикинерского генеральского мундира, можно объяснить кратковременным (максимально – 5 лет) периодом их существования, тогда как кирасирский, очевидно, сохранился до 1796 г.

Сделав вывод о том, что доклад Потемкина был претворен в жизнь, обратимся теперь к заключительной его части, содержащей предложения о флигель-адъютантских мундирах: „А Вашего Императорского Величества Флигель-Адъютантам иметь мундиры всех корпусов, т. е.: артиллерийский, инженерный, оставляя в артиллерии разность в мундирах коими разделяются должности офицеров, как то: мастеровых и протчих. Кирасирский Лейб, Карабинерный, Драгунский, Гусарский такого цвета, какой выше генералитету при гусарских полках иметь представляется, пикинерный Екатеринославского полку, и пехотный с таким шитьем какое ныне Высочайше от Вашего Императорского Величества иметь им повелено и с аксельбантом (разрядка моя – С. Л.), не исключая из того и генерал-майоров в том звании находящихся, с генералитетским же шитьем и простой без всякого шитья с аксельбантом позволить сим последним носить только тот мундир к которой кто службе сверх Флигель-Адъютантской должности принадлежит”²⁸.

Сама должность флигель-адъютанта при Екатерине II появилась в сентябре 1775 г. и окончательно оформлена Инструкцией для флигель-адъютантов от 6 июня 1777 г. 1 июля 1777 г. последовал Указ о причислении всех флигель-адъютантов к армейским полкам, где они и обязаны были состоять сверх своей военно-придворной должности²⁹. Таким образом, конфирмация императрицей доклада Потемкина явилась последним этапом оформления прав, обязанностей и внешнего вида флигель-адъютантов императрицы. О том, как выглядел принятый в качестве одного из атрибутов этого звания аксельбант, можно судить по сохранившимся портретам членов государевой свиты. Это изображения С. Ф. Голицына³⁰ и А. Д. Ланского³¹.

Флигель-адъютантский аксельбант был сплетен из металлического шнура с двумя свисавшими с плеча петлями и двумя концами; на плече, поверх шнурового плетеного узла находился вензель императрицы в картуше под короной. Кроме аксельбанта, в докладе упоминается и какое-то особое шитье, которое государыня повелела иметь флигель-адъютантам. О его наличии имеются сведения и в мемуарной литературе. Так, Е. Ф. Комаровский, рассказывая о чинах свиты, свидетельствует, что они „...могли носить мундиры всех войск, кроме гвардейских, с особливим только шитьем (разрядка моя – С. Л.)”³². Ему вторит Л. Н. Энгельгардт, упоминая „...особливый мундир с шитьем и аксельбантом, с вензельным именем императрицы...”³³ Такое вот „особливое”, ни на что не похожее шитье изображено на портретах Ф. Ф. Буксгевдена кисти Вуаля³⁴, С. С. Апраксина³⁵ и С. Н. Салтыкова³⁶. Оно состоит из золотого или серебряного шитого канта по воротнику и лацкану с округлыми волнистыми петельками по внешнему краю. Как выглядел весь флигель-адъютантский мундир данного образца, дает великоленное представление акварель XVIII в. из коллекции военной графики Эрмитажа. Ранее она считалась изображением неизвестного мундира или ливреи, теперь же, исходя из рассмотренных портретов, ее можно атрибутировать, как рисунок флигель-адъютантского мундира с возможной датировкой 1778–1783 гг., в соответствии с предполагаемой датой доклада Потемкина.

Все вышесказанное наглядно демонстрирует возможности, возникающие перед исследователем при внимательном изучении произведений портретной живописи. Прямым результатом проведенной работы является расширение и изменение наших представлений об истории форменной одежды высшего командного состава русской армии, начиная с 1740-х гг., т. е. с того момента, когда Россия, одной из первых в Европе, вводит в своей армии особый генеральский мундир, выражая материально идеи, заложенные в „Табели о рангах” 1722 г. Интересные дополнения получает обмундирование генералитета в эпоху Екатерины II, когда система различий военных чинов по классам приобретает окончательное логическое завершение, нарушенное, впрочем, в последующее царствование.

Представленная вниманию читателей работа носит не только узкий „военно-прикладной” характер, результаты ее с успехом могут быть использованы в атрибуционной музейной работе, для уточнения датировок портретных изображений или идентификаций их персонажей.

³² Молло Е. С. Русские офицерские знаки // Военно-историч. б-ка „Военной были”. Париж. Б. г. № 8. С. 16

² Из наиболее крупных работ подобного рода необходимо упомянуть труд В. В. Звегинцова „Русская армия”. Ч. 1–3. Париж, 1967–1973.

³ Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л., 1988; Раков Л. Л. Русская форменная одежда (рукопись).

⁴ Подробнейшее перечисление подобного рода источников можно найти в издании: Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель. Изд. 2-е. М., 1978. С. 245–251. Наиболее значительные коллекции предметов обмундирования русской армии имеются в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, Военно-историческом музее А. В. Суворова и Государственном Эрмитаже.

⁵ Портрет Петровского времени // Каталог. Л., 1973; Русский портрет XVIII – XIX веков в музеях РСФСР. М., 1976; Неизвестные и забытые портретисты XVIII – первой половины XIX века // Каталог. М., 1975; Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. Изд. 2-е. Л., 1979; Белецкий П. А. Украинская портретная живопись XVII – XVIII вв. Л., 1981; Ярославские портреты XVIII – XIX вв. М., 1984; Портретная миниатюра в России XVIII – начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1986; Портретная миниатюра в России XVIII – XIX веков из собрания Государственного Исторического музея. Л., 1988; Государственный Русский музей. Живопись XVIII – начала XX века // Каталог. Л., 1980 и многие др.

⁶ Голицын М. М. Петровское. М., 1912. С. 92. В настоящее время портрет находится в собр. И. Голицына в Москве.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. IV. Спб., 1899. С. 82–85 (далее – Висковатов).

⁹ Висковатов А. В. Ч. V. С. 26, 40, 47, 49; Ч. VI. С. 17–18, 48.

¹⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 44. Ч. I. № 12065.

¹¹ ПСЗ. Т. 43. Ч. I. № 11493.

¹² Портрет П. С. Салтыкова работы Ротари до революции хранился у И. П. Балашова в Петербурге. См.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Спб., 1905–1909. Т. II. № 104. Портрет А. И. Шувалова работы Ротари был у М. А. Васильчикова в имении Кораллово Московской губ. См.: Там же. Т. III. № 63. Портрет Н. А. Бекетова работы Ф. А. Рокотова (копия ныне находится в собрании ГИМа (инв. № 2609-III). См.: Там же. Т. II. № 182. В том же собрании находится портрет А. Н. Вильбуа (инв. № 2099-III). Портрет А. А. Спиридова работы Л. Шорера хранится в Эрмитаже (инв. № ЭРЖ-66). См.: Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л. 1988. Ил. 13. Фотокопия портрета Г. П. Чернышева работы неизвестного художника находится в фототеке отдела живописи ГРМ. Портрет М. Н. Волконского работы неизвестного художника до революции был в собрании А. А. Голицына-Прозоровского в имении Раменское Московской губ., экспонировался на Таврической выставке (кат. 325, рег. ГТГ-86225). Портрет П. Г. Кашкина находится в Калужском областном художественном музее (Ж-645). Портрет вел. кн. Павла Петровича работы А. П. Антронова (?) находится в Архангельском областном музее изобразительных искусств. См.: Сахарова И. Алексей Антропов. 1716–1795. М., 1974. С. 216. В собр. ОИРК ГЭ хранится портрет неизвестного генерала

с орденом св. Анны (инв. № ЭРЖ-67), а в собрании ГИМа – портрет неизвестного адмирала (инв. № 4332-III).

- ¹³ Веселаго Н. Ф. Материалы для истории русского флота Т. IX. Спб., 1882. С. 522–523.
- ¹⁴ Там же. С. 523.
- ¹⁵ Там же. С. 529–530.
- ¹⁶ Там же. С. 531.
- ¹⁷ Там же. С. 578.
- ¹⁸ Х., м. 88,5x71. Инв. № Ж-9027.
- ¹⁹ Экспонировался на Таврической выставке (кат. 323).
- ²⁰ Квадри В. В. История государевой свиты в XVIII веке. Спб., 1902. Приложения. С. 139.
- ²¹ Висковатов А. В. Т. V. С. 13.
- ²² Там же. С. 21.
- ²³ Там же. Т. IV. С. 105.
- ²⁴ Там же. С. 27.
- ²⁵ Х., м. 58,5x45,5. Инв. № Ж-4945.
- ²⁶ Х., м. 72x55 (овал). Инв. № Ж-334. См.: Д. Г. Левицкий. 1735–1822 // Каталог. Л., 1987, № 56.
- ²⁷ Висковатов А. В. Т. IV. С. 103, 105–106. Табл. 590, 596.
- ²⁸ Квадри В. В. Указ. соч. Приложения. С. 139–140.
- ²⁹ Там же. С. 245, 247.
- ³⁰ Фототека отдела живописи ГРМ.
- ³¹ Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-92.
- ³² Комаровский Е. Ф. Записки. Спб., 1914. С. 7. Примеч. 1.
- ³³ Энгельгардт Л. Н. Записки. 1766–1836. М., 1868. С. 57. Примеч. 93.
- ³⁴ Х., м. 70x53. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № 3752.
- ³⁵ Воспроизведен в альбоме А. А. Мееровича „А. В. Суворов“. М., 1985.
- ³⁶ Х., м. 58x46. Рыбинский историко-художественный музей. Инв. № Ж-62. Воспроизведен в работе Е. В. Гармагиной „Каталог русской портретной живописи в Андроповском историко-художественном музее“. Музей. Вып. 9 // Сб. статей и публикаций. М., 1988. С. 78.